

Заклад Достоевского:
три тысячи в романе «Преступление и наказание»

Т. И. Печерская

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Статья посвящена исследованию функции частотного повтора трех тысяч рублей в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Частота цифровых повторов в поэтике писателя много раз привлекала внимание исследователей, однако данный денежный повтор в романе до сих пор не был отмечен. Три тысячи рассмотрены в контексте сюжетных связей основных героев, объединенных причастностью к этой сумме – в реальности или идейно: Раскольников, Свидригайлов, Соня, Марфа Петровна, Разумихин, Алена Ивановна, Дуня, Лебезятников, Лужин. Рассматриваются способы введения в сюжет трех тысяч, указывается их связь с идеями героев. Деньги образуют сквозной семантический сюжет с близкими тематическими вариантами: три тысячи как дьявольское искушение, как рационалистическая идея преуспевания, как средство манипуляции волей другого (власть), как этический выкуп за совершенное преступление, как мгновенное и чудесное, сказочное освобождение от нужды, как средство, позволяющее начать новую – другую – жизнь. В качестве биографического источника этой суммы рассмотрена история создания романа в контексте обстоятельств жизни Достоевского: крайняя материальная нужда и зависимость от кредиторов, попытки продать несуществующий роман, «заложить» рукопись под сумму в три тысячи, игра в ру-

Печерская Т. И. Заклад Достоевского: три тысячи в романе «Преступление и наказание» // Критика и семиотика. 2017. № 2. С. 97–108.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2017. № 2
© Т. И. Печерская, 2017

летку как страсть и способ достать нужную сумму, изменение замысла романа (от «Пьяненьких» к «Преступлению и наказанию»), кабальный издательский договор с Ф. Т. Стелловским и необходимость к сроку писать один, игорный, роман («Игрок») внутри другого («Преступление и наказание») и прочее. Рассмотренные письма этого периода позволяют оценить напряженность и драматизм поисков денег, связанность писательских планов с крайне сложными жизненными обстоятельствами. По нескольким черновым редакциям романа прослежены динамика работы с выбором денежных сумм, из которых на первый план последовательно выходят три тысячи рублей, расширение круга героев, причастных к ним, формирование круга идей, связанных с быстрым и неожиданным обогащением, которое одно только способно вывести из материального, нравственного и психологического тупика. Все это позволяет выявить осознанность и последовательность включения сквозной символической детали, проследить динамику формирования лейтмотивных тем романа. Связь рассмотренного повтора в сюжете романа «Преступление и наказание» с кругом идей и жизненных обстоятельств писателя дает интересный материал для исследования различных аспектов психологии творчества.

Ключевые слова: роман «Преступление и наказание», семантический числовой повтор, три тысячи рублей, сюжет, биография как источник.

УДК 821.161.1 + 821.0

Контактная информация: Печерская Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, ptatiana9@gmail.com)

Тема денег – сквозная в романе «Преступление и наказание». Связь денег и преступления определяет и социальную, и психологическую, и метафизическую составляющие сюжета, то и другое наследовано Достоевским из большой литературы¹. Все герои романа, находящиеся в ближнем круге Раскольникова, остро нуждаются в деньгах, тогда как Алена Ивановна, Свидригайлов, Марфа Петровна, Лужин представляют для них потенциальный или реальный источник денег. Вокруг денег, в связи с деньгами рушатся судьбы, строятся планы, располагаются события. Среди многообразных и многочисленных обозначений денег, фигурирующих в романе,

---

¹ Сошлемся только на работу Е. М. Мелетинского «Заметки о творчестве Достоевского», где приводится полный свод русских и западноевропейских источников, чье влияние на героя и сюжет неоднократно привлекало внимание исследователей, а также на комментарий Г. Ф. Когана [Мелетинский, 2001, с. 5–93; Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 299–412].

особым образом выделяется одна сумма – три тысячи рублей. Выделяется, в первую очередь, неоднократным повтором, чего нельзя сказать об остальных денежных номинациях. И повторность, и связанность со всеми основными героями, маркирующие их особую тайную близость, заставляют посмотреть на три тысячи более внимательно. С этой точки зрения повтор может быть рассмотрен как композиционный ход, устанавливающий особые семантические сюжетные связи героев относительно центрального события романа – убийства.

Посмотрим на то, как вводятся три тысячи рублей в сюжет. Впервые три тысячи упоминаются в связи с Дуней. О завещании Марфы Петровны сообщает Раскольникову Свидригайлов при первом знакомстве:

Передайте, Родион Романович, вашей сестрице, что в завещании Марфы Петровны она упомянута в трех тысячах [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 224]².

Далее Раскольников передает слова Свидригайлова сестре и матери:

Кроме того, он положительно уведомил меня, что Марфа Петровна, за неделю до смерти, успела оставить тебе, Дуня, по завещанию три тысячи рублей, и деньги эти ты сможешь теперь получить в самом скором времени (т. 6, с. 229).

При разговоре присутствуют Лужин и Разумихин, и каждый из них по-своему, с интересом, воспринимает новость. В связи с этим известием, в частности, изгнание Дуней Лужина явно психологически облегчается. Разумихин тут же излагает проект совместной жизни и деятельности: он просит Дуню и Пульхерию Александровну остаться в Петербурге, взять его в компаньоны, и, прибавив тысячу из новоявленных трех к его тысяче, которую, якобы, давно предлагает ему забрать дядя, начать издательское дело. Пульхерия Александровна, в свою очередь, справедливо видит в завещании избавление от всех бед, постигших семейство:

Ну что бы с нами было теперь, Дуня, без этих трех тысяч! (т. 6, с. 237).

Вот так, казалось бы, довольно прямолинейно Достоевский устраняет драматизм ситуации, и уже почти при первом появлении сестры и матери закрывает сюжетную линию семейства Раскольниковых счастливым неожиданным разрешением событий. Заодно он косвенно обесмысливает порыв Раскольникова, окончательно решившегося на убийство именно после получения письма матери, из которого становится ясно, что Дуня

---

² Далее ссылки на это издание делаются в круглых скобках с указанием тома и страниц.

решила жертвовать собой. Правда, счастливое устройство семьи Дуни и Разумихина Достоевский отодвигает в эпилог. И тут нельзя не вспомнить остроумное замечание В. Б. Шкловского о некоторой избыточности благоустройства дел в эпилоге романа «Преступление и наказание»: «...эпилоги относятся к романам, как жизнь на том свете к нашей жизни». В частности, он приводит слова Теккеря о том, что в эпилогах «писатель наносит удары, от которых никому не больно, и выдает деньги, на которые ничего нельзя купить» [Шкловский, 1983, с. 456]. Но Достоевский, искусный мастер множественных мотивировок одного поступка, устанавливает и куда более тонкие связи этих трех тысяч Марфы Петровны с другими тремя тысячами, внезапно возникающими в поле разных героев. И вновь, как и в указанном случае, по видимости эти деньги никак не связаны непосредственно с Раскольниковым.

Очередные три тысячи вводит в сюжет все тот же Свидригайлов, но теперь речь идет о его деньгах, хотя их источником по-прежнему остается Марфа Петровна, однажды выкупившая его из долговой тюрьмы «за тридцать тысяч сребреников». Свидригайлов приходит к Соне накануне самобытия и дает ей «три пятипроцентные билета, всего на три тысячи» с тем, чтобы она взяла их лично себе и никому о том не говорила. По сути он почти на правах автора намечает ей и Раскольникову завершение их сюжетной линии, отнесенной, впрочем, также в эпилог. Свидригайлов уверен, что Раскольников пойдет на каторгу, а Соня – за ним³. Так, сам того не зная, Раскольников получает в эпилоге три тысячи – во столько оценивается возможность сопровождать его на каторгу и начать жизнь после нее.

Пятипроцентный билет «на сумму номинально в три тысячи рублей» (т. 6, с. 301) разменивает Лужин и тайно подбрасывает Соне «кредитный билет сторублевого достоинства», когда хочет оклеветать ее и выставить воровкой. Собственно Соня его не интересуется, Лужину надо низложить авторитет Раскольникова в глазах Дуни, поскольку опрометчиво предложенный им выбор – «я или брат» – накануне был сделан не в его пользу.

---

³ Свидригайлов устраивает и судьбу младших детей Мармеладова, и своей шестнадцатилетней невесты, но с этими персонажами связаны другие суммы. В. Шкловский ошибочно указывает три тысячи как сумму, которая определяется Свидригайловым на содержание детей: «Свидригайлов приходит к Соне и дает три тысячи рублей на детей и три на поездку в Сибирь сопровождать Раскольникова» [Шкловский, 1983, с. 458]. Между тем в последней встрече вообще не говорится о суммах, предназначенных для детей. Ранее Свидригайлов в эпизоде смерти Катерины Ивановны говорит Соне, что на каждого из трех детей он положит до совершеннолетия «по тысяче пятисот рублей капитала» (т. 6, с. 334). В эпизоде последней встречи с Соней, передавая ей пятипроцентные билеты на три тысячи, он только замечает, что насчет детей распорядился. Любопытно, что здесь Свидригайлов (или сам Достоевский?) путает детей, говорит о «братце» и «сестрицах» Сони, а не о братьях, Коле и Лёне, и сестре Поле.

Однако спасает Соню не Раскольников, а Лебезятников, которому Лужин незадолго до этого в подробностях описывал все манипуляции с разменянным пятипроцентным билетом, разумеется, умолчав об идее тайного подлога. И в этом эпизоде мы видим какой-то фрагмент возможного сюжета или только отсылку ко множеству других подобных сюжетов в духе романа Чернышевского: «прогрессист» образовывает падшее создание и спасает его для новой жизни. Во всяком случае из разговора Лужина и Лебезятникова мы узнаем, что Лебезятников, к удивлению Лужина (добавим, и читателя), давал Соне читать книги, посвящал ее в вопросы эмансипации, рассказывал об ассоциациях рабочих во Франции, о переустройстве общества посредством организации коммун, обсуждал с ней «вопрос» о недопустимости целования рук у женщин. И к тому же он склонен смотреть на ее действия «как на энергический и олицетворенный протест против устройства общества» (т. 6, с. 283). Л. П. Гроссман замечает, что идеи Лебезятникова по сути представляют собой «пародийный комментарий» к роману Чернышевского «Что делать?» [Гроссман, 1962, с. 343].

При этом Достоевский не считает нужным придать этому времяпровождению Сони хоть сколько-нибудь достоверности относительно заданного образа. Как бы то ни было, кроме полемических задач, связанных с идеями рационалистов, атеистов и прагматиков, коих воплощали современные «прогрессисты», оставались ведь и задачи собственно сюжетные, и с этой точки зрения назвать сюжетное звено Соня и Лебезятников случайным мы не можем. Свидетельством значимости именно этой суммы – три тысячи – в связи с Лебезятниковым и Соней является ее уточнение, которого еще нет в подготовительных материалах третьей (окончательной) редакции романа:

NB. Петр Петрович просит Лебезятникова позвать Соню, дает 10 р. и тихонько сует в карман *серию*. Лебезятников видит, как будто что-то сунул. Как благородный. Украла серию. Лебезятников отрекается (из фрагмента «И наконец») (т. 7, с. 175) ⁴.

Как видим, суть замысла Лужина та же, но банковский билет обозначен в самом общем виде без привязки к сумме ⁵, а Лебезятников в окончательной редакции ведет себя благородно. И это не единственный случай, когда в окончательном тексте сумма денег «доводится» до трех тысяч. Отметим здесь же, что сумма, предназначенная Марфой Петровной Соне, в подготовительных материалах выглядит иначе:

⁴ Здесь и далее в цитатах, если не указано иное, курсив Достоевского.

⁵ «Серии – билеты государственного казначейства; составляли особый вид краткосрочных текущих государственных займов; они назывались в обиходе “сериями”, т. е. выпускались разрядами (сериями) на определенную сумму» [Белов, 1984, с. 129].

1000 руб. от Марфы Петровны. Завещание Марфы Петровны. Она не успела, но заявила Свидригайлову, и тот настаивает, чтобы приняли. «Справьтесь, весь город знает, что она хотела вам оставить» (из фрагмента «Лужин на вечер») (т. 7, с. 179).

Тень «разночинского сюжета» лежит и на истории Дуни и Разумихина. Его план будущей счастливой жизни всем вместе, практически по сценарию коммуны, если и не пародируется, как в случае с Лебезятниковым, то представляется как минимум наивным, а по сути проистекает из тех же «идейных» источников, прокомментированных уже в «Записках из подполья». В первой (краткой) редакции рядом с именем *Разумихин* было написано *Рахметов*. Свидригайлов по фамилии Разумихина предполагает, что он из семинаристов. В обоих случаях круг ассоциаций отсылает нас к понятному кругу лиц и произведений. Разумихину, заметим, как и Раскольникову, необходимо одинаковое условие для воплощения замыслов – довольно крупная сумма, полученная «вдруг» и сразу, и Марфа Петровна с безымянным дядей становятся своего рода волшебными помощниками. Таким же волшебным помощником становится для Сони Свидригайлов, устраняющий все препятствия для новой жизни с Раскольниковым. И только Раскольникову «в руки» деньги не даются, даже те, что достались после убийства.

Вернемся к трем тысячам. В связи с Раскольниковым они впервые упоминаются в разговоре Свидригайлова с Дуней, когда ему удается заманить ее к себе под предлогом важных сведений о Раскольнике. Действительно, он в подробностях сообщает Дуне о подслушанной исповеди Раскольникова, но вот тут-то обнаруживается некоторое расхождение в передаче слов Раскольникова насчет денег, точнее, суммы. Сравним небольшие фрагменты, в которых речь идет о деньгах как мотиве убийства. Раскольников говорит Соне:

Все их надежды были на одного меня. Я учился, но содержать себя в университете не мог и на время принужден был выйти. Если бы даже и так тянулось, то лет через десять, через двенадцать (если б обернулись хорошо обстоятельства) я все-таки мог надеяться стать каким-нибудь учителем или чиновником с тысячью рублями жалованья (т. 6, с. 319).

Объясняя Дуне причину убийства, Свидригайлов «концептуализирует» все, что сказал Раскольников, и к тому же по-своему акцентирует особенно близкие ему места:

Дело длинное, Авдотья Романовна. Тут, как бы вам это выразить, своего рода теория, то же самое дело, по которому я нахожу, например, что единичное злодейство позволительно, если главная цель хороша. Единственное зло и сто добрых дел! Оно тоже, конечно, обидно для молодого человека с достоинствами и с самолюбием непомерным знать, что были бы,

например, всего только тысячи три, и вся карьера, все будущее в его жизненной цели формируется иначе, а между тем нет этих трех тысяч (т. 6, с. 378).

Здесь три тысячи – это уже «для примера», символ возможности совсем иной жизни за счет «единичного злодейства», тогда как тысяча жалованья в год олицетворяет рутину, «немецкий» способ накопления⁶. В то же время три тысячи – это то, что у самой Дуни теперь есть, три тысячи в буквальном, а не фигуральном смысле, именно с этой суммы они с Разумихиным начнут новую жизнь – с деньгами, завещанными Марфой Петровной, по предположению, убиенной Свидригайловым. Общность идеи Раскольников и Разумихина – о необходимости скорого получения крупной суммы, необходимой для реализации жизненных планов, – просматривается в подготовительных материалах к роману, в третьей (окончательной) редакции:

NB. К роману: сыскать и выпустить в роман русского купца (Бабушкина) Алонкина, фабриканта, чтоб он потом место Разумихину в 3000 дал» (из фрагмента «Идея романа») (т. 7, с. 155)⁷.

Три тысячи, купец и фабрикант в роман не вошли, но идея «начального капитала» осталась, реализовавшись в несколько меньшем объеме.

И только в эпилоге, в косвенной передаче показаний Раскольникова три тысячи указаны прямо в связи с убийством:

...на окончательные вопросы, что именно могло склонить его к смертоубийству и что побудило его совершить грабеж, он отвечал весьма ясно, с самую грубою точностью, что причиной всего было его скверное положение, его нищета и беспомощность, желание упрочить первые шаги своей жизненной карьеры с помощью, по крайней мере, трех тысяч рублей, которые он рассчитывал найти у убитой (т. 6, с. 411)⁸.

Как мы знаем, нигде ранее три тысячи не упоминаются в связи с собственными расчетами Раскольникова. Да и тысяча, упомянутая в разговоре с Соней, приведена скорее в качестве примера длительной, унылой и беспросветной службы чиновника или учителя с небольшим годовым жало-

---

⁶ В третьей (окончательной) редакции Раскольников говорит Соне: «Я хотел обеспечить себя и мать. Немецким путем было некогда» (фрагмент «К роману») (т. 7, с. 166).

⁷ Купцы Бабушкин и Алонкин – вполне реальные люди, у И. М. Алонкина, «почтенного старика» и богатого купца, Достоевский снимал квартиру в 1864–1867 гг. (т. 7, с. 410–411).

⁸ Как известно, на следствии выяснилось, что у процентщицы «в кошельке оказалось триста семнадцать рублей серебром и три двугривенных».

ванием. Однако три тысячи Раскольникова в связи с идеей мгновенной удачи, способной изменить и перенаправить жизнь, мы встречаем в подготовительных материалах второй (пространной) редакции с выразительной пометой «намеки мыслей»:

А кончает тем, что у Разумихина разошелся со всеми и самого Разумихина попросил *оставить* себя. У Разумихина – намеки (достать 3000 – дело делать, Номбоог; рутина и проч., неоригинальность и проч.) (из фрагмента «Главная анатомия романа») (т. 7, с. 143)⁹.

«Намеки мыслей» здесь вполне понятен: сочетание трех тысяч и Гомбурга (Homburg), немецкого курорта, где Достоевский играл в рулетку (1863), исключает разночтения. Рутинность и неоригинальность в этом контексте соотносимы с общепринятым представлением – необходимость годами и десятилетиями зарабатывать небольшое жалование¹⁰. Эфемерная надежда на мгновенный выигрыш, способный поправить все дела и разрешить мучительное финансовое положение, не оставляет Достоевского и в 1865 г., когда он находится в своем третьем заграничном путешествии, работает над романом и безуспешно пытается поправить материальное положение, играя в Висбадене.

Вернемся к более раннему этапу истории создания романа. Именно тогда три тысячи упоминаются впервые, но не в сюжетном, а в биографическом контексте. Как известно, Достоевский в 1865 г. несколько раз безуспешно пробовал заложить его разным издателям еще на стадии замысла. Дело осложнилось тем, что Достоевскому сразу нужна была вся сумма, – условие исключительное, не принятое в издательской практике¹¹. Не имея практически ничего, кроме идеи, Достоевский, тем не менее, рассчитал объем и полистную оплату, исходя из суммы, в которой он остро нуждался:

⁹ В третьей редакции тема игры на рулетке возникает в связи со Свидригайловым: «Говорит об игре; об рулетках» (т. 7, с. 164).

¹⁰ О возможности быстро и много заработать писательским трудом Достоевский рассуждает в письме А. Е. Врангелю в ответ на советы устроиться на государственную службу и получать верный доход. Рассказывая о финансовых планах в связи с романом – дважды продать роман: в журнал, а потом книгопродавцу, Достоевский доказывает преимущества писательской работы по сравнению с «коронной», т. е. государственной службой. (Из письма Врангеля: «...лучше верный рубль, нежели миллион в надежде; а потому умоляю Вас, ищите место, службу, у правит<ельст>ва, или частное – все равно, лишь бы был верный кусок хлеба...») (т. 28 (II), с. 428).

¹¹ Летом 1865 г. его попытки предложить роман В. Ф. Коршу, издателю «Санкт-Петербургских ведомостей», и А. А. Краевскому, редактору «Отечественных записок», закончились неудачей.

Я прошу 3000 руб. теперь же, вперед за роман <...> Листов будет не менее 20, но может быть и более. За лист 150 руб. <...> Если бы моя работа не понравилась редакторам «От<ечественных > записок» (или цена показалась бы высока), то они имеют право возвратить ее мне обратно и удержать *заклад* (курсив мой. – Т. П.) до тех пор, пока я не выплачу 3 000 руб. (с 10-ю процентами), –

писал он А. А. Краевскому (т. 28 (II), с. 127), под залогом здесь, судя по всему, подразумевается рукопись романа. Речь шла о замысле повести / романа «Пьяненькие», от которого в конечном варианте осталась фигура Мармеладова. На третий раз попытка увенчалась успехом – под кабальные условия издатель Ф. Т. Стелловский выплачивает Достоевскому три тысячи рублей¹², которые косвенным образом ввергают писателя в еще большие финансовые бедствия. Заплатив часть долгов, Достоевский уезжает за границу писать роман. Однако за пять дней в Висбадене он проигрывает в рулетку все оставшиеся деньги. Достоевский пишет письма во все концы с просьбой о деньгах, пишет даже Тургеневу в Баден-Баден, стараясь перебороть сильную неприязнь:

Купил мои сочинения Стелловский <...> за три тысячи, из коих часть векселями. Из этих трех тысяч я удовлетворил кое-как на минуту кредиторов и остальное роздал, кому обязан был дать, и затем поехал за границу, чтобы хоть каплю здоровьем поправиться и что-нибудь написать. Денег оставил я себе на заграничку всего 175 руб. сер<ебром> из всех трех тысяч, а больше не мог. <...> Но пять дней как я уже в Висбадене и все проиграл, все дотла, и часы, и даже в отеле должен (т. 28 (II), с. 128).

В сентябре 1865 г. Достоевскому удается договориться о размещении повести в пять-шесть листов в «Русском вестнике», но теперь уже о выплате денег сразу нет ни слова, издатель высылает задаток в 300 рублей. Судя по письму М. Н. Каткову, речь идет о новом замысле, соответствующем тому, что видим теперь в романе¹³. Оставив за собой ту же полистную плату – 125 рублей¹⁴, Достоевский в итоге намерен был увеличить

¹² Стелловский купил право на безвозмездное издание полного собрания сочинений в трех томах, плюс к этому Достоевский должен был к 1 ноября 1866 г. представить ему новый роман объемом не менее 10 листов.

¹³ Правда, и позже, уже в Петербурге, замысел продолжал меняться. Достоевский, как известно из письма А. Е. Врангелю, в ноябре уничтожил все написанное: «В конце ноября было много написано и готово; я все сжег. <...> Мне не понравилось самому» (т. 28 (II), с. 150). Однако в этом случае, судя по сохранившимся редакциям, речь можно вести о работе главным образом над формой романа (исповедь от первого лица была заменена на рассказ от третьего лица).

¹⁴ Как замечает Г. Ф. Коган, такую плату следует считать очень умеренной: «Л. Н. Толстому за напечатанное тогда же в «Русском вестнике» начало «Войны и мира» (под названием «1805 год») платили 300 рублей за лист...» (т. 7, с. 319).

объем и получить не меньше трех тысяч (роман разросся, и в итоге Достоевский получил больше). Еще не закончилась работа над романом и его публикация в журнале, а Достоевский уже строит планы о том, как после журнальной публикации он продаст его книгопродавцу вторым изданием и получит еще «тысячи две или три» (т. 28 (II), с. 151).

В октябре 1866 г., когда написана была только половина «Преступления и наказания», над Достоевским нависла угроза нарушения контракта со Ф. Т. Стелловским: он должен был либо «отработать» полученные три тысячи – предоставить новый роман, либо попасть в кабалу. Первоначально Достоевский решает писать два романа параллельно. Речь идет об «Игроке», замысел которого возник в 1863 г., но дальше дело не пошло; и тогда, и сейчас роман существовал только «в идее». Фактически Достоевский был вынужден прерваться, написание «Игрока», в котором сошлись игорная («ад рулетки») и любовная страсти автора, заняло месяц, после чего продолжилась работа над романом «Преступление и наказание», несколько частей которого к тому времени было уже опубликовано. Совмещая работу над романами, Достоевский, безусловно, совместил многие темы и сюжетные повороты. Роль общей скрепы в литературном смысле, в частности, сыграла «Пиковая дама» Пушкина, аллюзиями на которую переполнены оба текста. В этом контексте три тысячи и «Нот-боог» подготовительных материалов в контексте «намека мыслей» свидетельствуют как о творческой связи произведений, так и о важной биографической подоплеке замысла.

Три тысячи в «Преступлении и наказании», как можно судить, семантически нагружены идеей Раскольникова, хотя три тысячи в буквальном смысле с ним нигде не связаны, в отличие от других героев. Три тысячи как дьявольское искушение, как рационалистическая идея преуспевания, как средство манипуляции волей другого (власть), как этический выкуп за совершенное преступление, как мгновенное и чудесное, сказочное освобождение от нужды, как средство, позволяющее начать новую жизнь, – все эти смысловые вариации связывают всех без исключения героев. Подвести значение трех тысяч под один знаменатель вряд ли возможно. Общим условием является только их внезапное появление в жизни персонажа, способность нарушить ее порядок (неважно – в губительном или созидательном смысле), порождающая иллюзию управления этим самым порядком вещей. Что касается происхождения суммы, то в качестве одного из источников, как кажется, может рассматриваться своего рода биографический жест самого автора, в жизни которого нехватка трех тысяч оказывается прямо связанной с написанием романа.

Список литературы

- Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. 2-е изд. М.: Просвещение, 1984. 204 с.
- Гроссман Л. П. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1962. 544 с.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Мелетинский Е. М. Заметки о творчестве Достоевского. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 190 с.
- Шкловский В. Б. Избранное: В 2 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 1: Повести о прозе. Размышления и разборы. 639 с.

Article metadata

Title: Dostoyevsky's pawn: three thousand at the novel «Crime and Punishment»

Author: T. I. Pecherskaya

Author's e-mail: ptatiana9@gmail.com

Author affiliation: Novosibirsk State Pedagogical University

Abstract The article contains a detailed analysis of the function of the frequency repetition of three thousand rubles at the novel «Crime and Punishment» by F. M. Dostoyevsky. Frequency numerical repetitions at the author's poetics repeatedly attracted attention of researchers, but this money repetition at the novel still was not noted. The paper investigates three thousand rubles in the context of the plot connection of main heroes united responsible at this sum – in the reality or the ideological: Raskolnikov, Svidrigailov, Sonya, Marfa Petrovna, Razumikhin, Alyona Ivanovna, Dunya, Lebezyatnikov, Luzhyn. The article presents methods of leading into the plot three thousand, points to its linkage with ideas of heroes. Money make the through semantic plot with similar thematic variants: three thousand as the devilish temptation, as the rationalistic idea of prosperity, as means of manipulation by other will (the power), as the ethical retribution for crime, as the momentary, miraculous, fairy liberation from want, as means permissive to begin the new – other – life. As the biographical source of this sum investigated the history of creation of novel in the context of the Dostoyevsky's biographical circumstances of life: extreme want and dependence by creditor, endeavors to sell nonexistent novel, to pledge manuscript in sum three thousand, roulette as passion and method to find the necessary sum, change of plan of novel («The Drunkards» – «Crime and Punishment»), the bonded publisher's agreement by F. T. Stellovsky and necessity in time to write one, gambling, novel («The Gambler») inside other («Crime and Punishment») and other. Considered letters this period allow assessing tension and dramatic of money search, connection writer's plans with extreme complicated life's circumstances. Few draft editions of novel investigated dynamics of work with option of money sum, among which three thousand in series move

forward in the foreground, widening of circle of heroes involved to them, forming of circle of ideas connected with the fast and unexpected enrichment, that only can take out financial, moral and psychological being. All of them allow identifying awareness and succession of inclusion the through symbolical detail, tracing dynamics of forming of leitmotif main themes. Linkage of this repetition at the plot of the novel «Crime and Punishment» with circle of ideas and circumstance of writer's life gives the interesting content for investigate of various aspects of psychology of creativity.

Key terms: novel «Crime and Punishment», semantic numerical repetition, three thousand rubles, plot, biography as source.

Reference literature (in transliteration):

Belov S. V. Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie». Kommentarij. 2-e izd. M.: Prosveshhenie, 1984. 204 s.

Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. L.: Nauka, 1972–1990.

Grossman L. P. Dostoevskij. M.: Molodaja gvardija, 1962. 544 s.

Meletinskij E. M. Zametki o tvorchestve Dostoevskogo. M.: Izd-vo RGGU, 2001. 190 s.

Shklovskij V. B. Izbrannoe: V 2 t. M.: Hudozh. lit., 1983. T. 1: Povesti o proze. Razmyshlenija i razbory. 639 s.